Рецензии

Jonveaux, Isabelle, Palmisano, Stefania and Pace, Enzo (eds) (2014) *Annual Review of the Sociology of Religion. Vol. 5: Sociology and Monasticism: Between Innovation and Tradition*. Leiden, Boston: Brill. — 322 p.

С 2010 г. в издательстве *Brill* выходит ежегодный обзор по наиболее актуальным темам социологии религии. Среди них — религия и молодежь, религия и политика, новые методы изучения религии, молитва, монашество, которому посвящен пятый сборник и данная рецензия на него, а также религия и интернет и социология атеизма[1], книга, которая выйдет в этом году. В ряду насущных проблем социологии религии несколько неожиданным выглядит обращение к таким тонким материям, как молитва и монашество. Как кажется, монашеские идеалы, в том числе и молитва, слабо связаны с социальной тканью общества. Впрочем, это обращение столь же неожиданно, сколь и закономерно, поскольку во многих религиозных традициях монашество представляет собой весьма значимый, однако малоизученный феномен.

Современная европейская религиозная ситуация парадоксальна: здесь уровень доверия к традиционным институтам падает, а интерес к монастырям и монашеству растет. Он выходит да-

1. Обзоры включают следующие издания в упомянутом порядке: Giordan, G. (ed.) (2010) *Annual Review of the Sociology of Religion. Vol. 1: Youth and religion*. Boston: Brill; Michel, P. and Pace, E. (eds) (2011) *Annual Review of the Sociology of Religion. Vol. 2: Religion and Politics*. Boston: Brill; Berzano, L. and Riis, O. P. (eds) (2012) *Annual Review of the Sociology of Religion. Vol. 3: New Methods in the Sociology of Religion*. Leiden, Boston: Brill; Giordan, G. and Woodhead, L. (eds) (2013) *Annual Review of the Sociology of Religion. Vol. 4: Prayer in Religion and Spirituality*. Leiden; Boston: Brill; Jonveaux, I., Palmisano, S. and Pace, E. (eds) (2014) *Annual Review of the Sociology of Religion. Vol. 5: Sociology and Monasticism: Between Innovation and Tradition*. Leiden, Boston: Brill; Enstedt, D., Larsson, G. and Pace, E. (eds) (2015) *Annual Review of the Sociology of Religion. Vol. 6: Religion and Internet*. Leiden, Boston: Brill; Cipriani, R. and Garelli, F. (eds) (2016) *Annual Review of the Sociology of Religion. Vol. 7: Sociology of Atheism*. Leiden; Boston: Brill.

леко за пределы религиозного искания, включая спрос на кулинарные курсы и монастырскую продукцию. Модернизация и кадровый кризис (а в Европе немного желающих стать монахами) вынуждают обители идти на ряд нововведений и экспериментов. Рецензируемая книга посвящена теме «Социология и монашество: между инновацией и традицией». Ее редакторы — Изабелла Жонву (Университет Граца, Австрия), Стефания Пальмизано (Университет Турина, Италия) и Энцо Паче (Университет Падуи, Италия) — являются признанными специалистами в этой сфере[2]. В 2015 г. И. Жонву, С. Пальмизано и их коллеги из университетов Граца, Турина и Бухареста (Румыния) провели конференцию «Христианское монашество от Востока до Запада», приуроченную к выходу рецензируемого сборника[3].

Авторы книги заявляют тему «Социология и монашество» и тут же подвергают сомнению предмет, вынесенный в заголовок. Действительно, ответить на вопрос о том, что такое монашество и кого можно назвать монахом, довольно сложно. Несколько легче определить, какая форма жизни является монашеской, ведь и в христианстве, и в других традициях для нее характерны такие фундаментальные черты, как совместное проживание, молитва, правила, телесная дисциплина. А кто такой монах? Тот, кто принадлежит к монашескому ордену (p. 22)? Или тот, кто молится за людей, у которых нет ни времени, ни навыка молитвы (p. 77)? Или это «“религиозный аскетический виртуоз, который уходит от мира, чтобы полностью посвятить себя Богу в общинной жизни” (Jonveaux 2011: 45) или достичь высшей степени просветления (*нирваны*)» (p. xvi)? А может, тот, кто «очарован красотой Бога и призван воплощать эту красоту, где бы он ни жил» (p. 89)? Этот исследовательский вопрос проходит лейтмотивом всей книги и вскрывает ее ориентацию на католические реалии, ведь, например, в православной традиции границы монашества проведены четче и не вызывают такой острой дискуссии.

Книга включает 17 статей и состоит из трех частей: 1) католическое монашество, 2) восточное монашество, 3) методология

2. Среди их публикаций: Jonveaux, I. (2011) *Le monastère au travail: Le Royaume de Dieu au défi de l'économie*. Paris: Bayard; Palmisano, S. (2014) “Asceticism in Modern Times. Challenging Monastic Pillars in a New 21st c. Catholic Monastery”, *Fieldwork in Religion* 4(1); Pace, E. (1983) *Asceti e mistici in una società secolarizzata*. Marsilio, Venice.

3. Подробнее о конференции см.: *Медведева К. С.* Что социология может сказать о монашестве? // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 3. С. 153–160.

и классические труды по социологии монашества. Количество мужчин и женщин среди авторов примерно одинаково, однако заметен небольшой акцент на тексты о женском монашестве. Для сборника характерна дисциплинарная и методическая пестрота. Несмотря на заявленную в заглавии узкую рамку социологии, среди авторов встречаются социальные и культурные антропологи, богословы, некоторые тексты содержат пространные исторические и этнографические пассажи. Впрочем, социологи составляют явное большинство в авторском коллективе.

Ключевые для данного сборника понятия «инновация» и «традиция» проходят красной нитью через все статьи, сквозь их призму рассмотрены монашеские традиции разных религий и стран.

Монастыри предстают перед читателем как лаборатории, где сталкиваются христианство и современность. Они вновь становятся популярны, но уже не столько как религиозные объекты, сколько как «фольклорные элементы». О фольклоризации монастырей говорят спрос на монастырский туризм и монастырскую продукцию. Обители стараются одновременно сохранить уединенный образ жизни и удовлетворить запрос современного общества (*Hervieu-Léger*). В том, как им удается это сделать, попробовала разобраться И. Жонву. Действительно, все меньше людей стремятся к монашеству, однако означает ли это, что современное секулярное общество не нуждается в монастырях? Отнюдь. «Проблема не в том, что монашеская жизнь устарела, а скорее в том, что монахи и монахини все реже предстают в обществе как религиозные профессионалы» (p. 71), — справедливо отмечает Жонву и рассматривает новую роль монастырей. Обители предстают как экономические акторы, что обеспечивает им место в современном секулярном обществе.

Обвинения в архаичности порождают не только новые социальные роли монастырей, но и принципиально новые формы монашеской жизни. К ним относятся, например, «новые монашеские общины», которые рассматривает С. Пальмизано (подробнее она разбирает эту тему в своей недавно изданной книге «Изучение новых монашеских общин»[4]). «Новые монашеские общины» не являются прежними монашескими орденами, в которые вдохнули новую жизнь. Напротив, они представляют собой принципиально новые сообщества, которые, впрочем, могут свободно пере-

4. Palmisano, S. (2015) *Exploring New Monastic Communities. The (Re) invention of Tradition*. Ashgate.

нимать уклад традиционной монашеской жизни. Они возникают на волне II Ватиканского собора (1962–1965), являются альтернативой классическому монашеству и подчеркивают свое новаторство и разрыв с традицией. Здесь уместно провести параллель с концептом «изобретение религии», который стал основной идеей недавней книги о религиозной ситуации на постсоветском пространстве[5]. В обоих случаях речь идет о новаторстве в религиозном контексте, однако их характер различается. Новые монашеские общины в католицизме стали ответом на вызов времени, который привел к разрыву с традицией для того, чтобы создать новую. В России и постсоветском контексте, напротив, инновации в православной среде маскируются «под старину», как если бы «так было принято всегда».

Рецензируемый сборник ценен с методической точки зрения. Здесь можно найти примеры использования включенного наблюдения, самоэтнографии, интервью и анкетирования. Так, опрос посетителей 13 «христианских духовных центров» (n=284) при монастырях в Нидерландах показал, что реколлекции (или «ретриты») и другие виды духовных услуг востребованы преимущественно среди женщин в возрасте 60–65 лет с высшим образованием, которые получили религиозное воспитание в католической или протестантской традиции. Примерно половина посетителей (46%) относит себя к церкви или общине, придерживающейся религиозных взглядов, столько же почти каждую неделю или регулярно посещают церковные службы. Следовательно, заключают авторы, духовные центры при монастырях не заменяют, а скорее усиливают религиозную жизнь своих посетителей (*De Groot et al.*).

Материалы для первой части книги о католическом монашестве были собраны в Италии, Франции, Бельгии, Германии, Австрии и Нидерландах. Вторая часть книги, посвященная восточному монашеству, включает статьи о православии, буддизме и межрелигиозном диалоге. Представления о православном монашестве формируются у читателя на основе исследований о сирийском монашестве (*Poujeau*), афонском монашестве во Франции (*Denizeau*), а также православном монашестве во Франции, Швейцарии, Британии, США, Румынии и Греции (*Hämmerli*). Простое перечисление стран выявляет европоцентризм данной книги, ведь даже восточная монашеская традиция представлена преимущественно западными примерами. Кро-

5. *Кормина Ж., Панченко А., Штырков С.* (ред.) Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета, 2015.

ме того, несмотря на динамику монашества в постсоветский период, в сборник, к сожалению, не вошло ни одного исследования о русских православных монастырях.

В целом, в отличие от работ о католических монастырях, тексты о православном монашестве выстроены скорее вокруг понятия «традиция», нежели «инновация». Так, первый же автор задается вопросом о роли преемственности в монашеском контексте (*Denizeau*). На примере афонского монашества во Франции он описывает, как происходит конструирование религиозной идентичности в условиях миграции, и отмечает важную роль духовника-старца (*geronta*). *Духовный отец* является не только поведенческой моделью для монахов, но и «воплощением традиции» (p. 138), живой традицией, посредником между предками и потомками. Тему духовного руководства в православии продолжает статья М. Хаммерли, которая обращается к примерам мужских и женских православных монастырей в Западной Европе. Что обеспечивает харизму старца? Только ли исключительные личные качества, как пишет Вебер? Согласно Хаммерли, харизма старца проистекает не из личной привлекательности старца, которая строится на самоутверждении, но из сохранения традиции, что предполагает самоуничижение, нивелирование самости духовника. Исследования русского православного монашества в постсоветском контексте пришлись бы здесь весьма кстати, поскольку содержат эвристический потенциал для изучения этой темы[6].

При всем христианоцентризме сборника, в нем нашлось место для двух работ о буддийском монашестве в Британии и Корее. Современный буддизм, как и современный католицизм, проводит ревизию понятия монашеской аскезы. В Корее буддизм перемещается из гор в города, крупные *sach'al* (что означает одновременно и храм, и монастырь) адаптируются к нуждам городского населения, расширяют спектр своих услуг, включая образование и медицину (*Galmiche*). Меняется и представление о буддийском монахе. Современный монах — это не обязательно человек, находящийся в состоянии лиминальности, как писал Тернер[7]. К. Старки анализирует материалы включенного наблюдения и интервью в шести женских общинах в Британии и делает вывод, что буддийские монахини в целом не изолированы от общества, хоть и проходят

6. Например, см.: *Митрохин Н.* Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: НЛО, 2004.

7. Turner, V. (1969) *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. London: Routledge and Keegan Paul.

ритуальное отделение от него. Часть монахинь продолжают играть определенные социальные роли, зарабатывать деньги и владеть собственностью (*Starkey*).

Помимо рассмотрения отдельных монашеских традиций в разных странах, в сборнике проводится сравнительный анализ монашества в христианстве (читай, католицизме), буддизме и индуизме. Необходимость диалога между ними вызвана рядом причин, среди них: миссионерская работа в Азии, распространение восточных духовных практик в Европе, которое требует от религиозных профессионалов новых компетенций. Вследствие этого диалога христианское монашество прошло процесс обновления и трансформации в XX веке; обогатившись само, оно обогатило другие монашеские традиции (*Reichl*). В чем заключается это обогащение? М. Джорда и ее коллеги сравнили три кейса: цистерцианский монастырь, индуистский ашрам и монастырь дзен. Все они принадлежат к разным культурам, однако находятся в Италии и пользуются одной и той же терминологией («монастырь», «монах», «монашество»). Этимология слова «монастырь» укоренена в христианстве, но когда монастырем называют, например, ашрам, смысл этого слова расширяется, оно становится более универсальным и приемлемым для описания схожих аскетических традиций других религий (*Giorda et al.*).

В рецензируемой книге опубликована статья Жана Сеги, одного из ведущих социологов религии во Франции после Второй мировой войны. Этот текст считается программным по социологии монашества. Для Сеги монастыри являются вариантом утопии, альтернативной моделью общества, «другим» обществом. Статья была опубликована в 1971 г. на французском языке и в данном сборнике впервые переведена на английский язык.

Авторы книги используют разнообразные социальные теории для исследования монашества. Идея Сеги о монашестве как утопии, Тернера о лиминальности, Трельча о типах религиозных организаций, Вебера о харизме, религиозном виртуозе и рациональности — все они являются плодотворными для изучения монашества. Впрочем, реальные формы его бытования, описанные в сборнике, разбивают стереотипы о монашестве как монолитном феномене. Не претендуя на всеохватывающую картину, сборник представляет читателю многоцветие монашеских форм религиозной жизни.

Данная книга восполняет серьезные пробелы в изучении монашества. Во-первых, эта тема хорошо изучена историками, од-

нако социологи до сих пор уделяли ей недостаточное внимание, поэтому перед нами — серьезная попытка систематически рассмотреть монашество с помощью социологического инструментария. Во-вторых, книга вносит вклад в изучение христианского монашества, к которому исследователи обращаются реже, чем к монашеству восточных религий (буддизм, индуизм и др.). В-третьих, существующие исследования фокусируются на изучении активной общинной жизни монастырей, их социальной работы и вклада в сообщество. Авторы данной книги уделяют достаточное внимание собственно монашеским религиозным практикам и внутренней жизни монастырей в той мере, которая им доступна.

К. Медведева

Мартинович В.А. **Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция: Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1. Минск: Минская духовная академия, 2015. — 559 с.**

Монография В.А. Мартиновича, как вытекает из ее названия, посвящена чрезвычайно актуальной в современном религиоведении теме возникновения и миграции нетрадиционной религиозности. Казалось бы, вопросам возникновения и развития нетрадиционной религиозности уже посвящены тысячи зарубежных и отечественных исследований; в их числе и фундаментальные монографии, и зарубежные справочные издания по новым религиозным движениям. Тем не менее следует признать, что труд В.А. Мартиновича является не только «скромной лептой», но серьезным вкладом в религиоведение.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что рецензируемая монография не только является результатом анализа 673 трудов, более половины из которых — англо- и немецкоязычные, но содержит ряд интересных авторских концепций и теоретических находок. Это и закономерности касательно влияния личной истории основателя НРД, его образования и статуса на успех его начинания, а также, наоборот, влияния содержания и структуры организации на общий портрет ее основателя, и разработанная В.А. Мартиновичем «интеллектуальная модель культовой инновации», и системный подход к анализу нетрадиционной религиозности, и др. Эмпирическая база,